

ларусь — Ірландыя. Belarus — Eire. Матэрыялы навуковага семінара “Беларуска-ірландскія гістарычна-культурныя сувязі”.— Мінск : Беларускае кнігазбор, 2000.— С. 36–65.

8. Сенчук, І. А. Міфопэтика Вільяма Б. Ёйтса : автореф. дис. ... канд. філал. наук 10.01.04 / І. А. Сенчук.— Миколаїв, 2012.

9. Kearney, R. Myth and Motherland / R. Kearney.— Belfast, 1984.

10. The Works of W. B. Yeats.— Wordsworth Edition, 1994.

11. Yeats William Butler. Wiersze wybrane.— Wrocław : Zakład narodowy im. Ossolińskich, 1997.

А. Я. Эсалнек

Москва, Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова

Диалог как форма коммуникации в литературе и науке о литературе

Диалог и коммуникация — различные и вместе с тем сопрягающиеся понятия, используемые в настоящее время для обозначения разных видов и способов общения, в силу чего нередко находящиеся в одном контексте или даже заменяющие друг друга. Однако судьба их сложилась по-разному: ее осмысление позволяет глубже понять смысл того и другого и возможности их функционирования в научных исследованиях последнего времени. Диалог — это давнее понятие, возникшее в Античности для определения того типа произведений, в которых воспроизводились разговоры, беседы, споры, обмен мыслями тех или иных лиц, нередко исторических, в числе которых часто оказывался Сократ. К таким произведениям относятся «Диалоги» Платона, «Диалоги» Лукиана и некоторых других античных и более поздних авторов. Понятие коммуникация реально появилось только в XX веке, вошло в обиход и тезаурус разных областей знания, заняв особо важное место в социологических исследованиях. По сведениям специалистов, уже в 30-е годы XX века данное понятие присутствовало в университетских курсах и словарях американских ученых. В начале XXI в. в нашей стране был издан энциклопедический словарь-справочник «Коммуникология» [14], образована Российская коммуникативная ассоциация (РКА) и началась активная разработка научной проблематики, связанной с изучением коммуникации

как системы. Теория коммуникации постепенно обрела статус междисциплинарного направления, которому подвластны многообразные виды коммуникативной деятельности, среди которых важнейшее место занимает массовая коммуникация.

В процессе исследований вырабатываются подходы, формируется понятийный аппарат, в ходе становления которого встал вопрос о соотношении понятий «общение» и «коммуникация». Все чаще звучит мысль, что «общение», представляя разновидность коммуникации, применяется для обозначения межличностных контактов; более широкие массы людей, коллективы, а главное, организации и прочие объединения — явно взаимодействуют. Таким образом, термин коммуникация, употребляясь и в узком, и в широком значении, функционирует в разных форматах и контекстах, осуществляя связь адресатов и адресантов самыми разными способами, в том числе вербальными. Итак, в основе и глубине любых коммуникативных процессов лежит «общение». Изначально общение началось с межличностного общения, в процессе которого люди пользовались языком, используя «изначальный простодушный звуковой язык» [12, с. 16]. При этом, по словам крупнейшего специалиста в данной области В. Г. Костомарова, «выдающиеся авторитеты верили в то, что истинное знание вызревает в душе как часть сознания и памяти, а не припоминается извне посредством каких-то кастрированных знаков. Сократ, например, возражал против записи “Диалогов”, а Пифагор не написал ни одной книги» [12, с. 11]. Необходимость передачи информации на расстоянии заставляла искать способы трансляции ее устным путем, используя глашатаев, гонцов с хорошей памятью, курьеров разного рода. Постепенно рождались письменность и книжный язык. Естественно, что между устным звуковым и письменным общением лежал длинный путь.

Рассуждения о сущности и роли общения подводят к мысли о том, во что выливаются результаты общения и каким словом принято обозначать этот феномен. Таким словом-понятием стало понятие «текст». «Договоримся называть текстом любое вербальное произведение, любой результат общения: высказывание, сообщение, обмен информацией и мнениями. Текст — продукт порождения и предмет восприятия. Бесконечный континуум текстов крайне неоднороден... Бросается в глаза различие текстов книжных, сознательно творимых; разговорных, выражающих инфор-

мацию произвольно и массово-коммуникативных...Эти тексты до сих пор мало — несоизмеримо с их ролью в нынешней коммуникативной жизни общества — используются для исследования» [11, с. 33]. На почве таких исследований стала складываться научная область, получившая название «Теория текста». В ходе изучения текста сложилось немало концепций, точек зрения, принадлежащих известным русским ученым, в числе которых И. Гальперин, А. Горшков, Л. Новиков, Д. Шмелев, В. Костомаров, Ю. Лотман и др. «Объектом современной теории текста как науки является коммуникативная деятельность человека посредством текста», — таково убеждение А. А. Чувакина, автора и редактора пособия «Теория текста», добавившего: «Статус теории текста в науке еще не стабилизировался» [8, с. 5]. Основательная библиография работ на эту тему содержится в данном пособии.

Признавая колоссальное значение коммуникации в период господства информации и давления глобализации, поставим вопрос, найдется ли в указанной цепочке понятий место понятию «диалог». В поисках ответа на этот вопрос напомним, что использовавшийся в глубокой древности для номинации целых произведений диалог в дальнейшем эволюционировал, видоизменялся, трансформировался и большей частью употреблялся для обозначения определенных форм общения людей в реальной человеческой практике и подобных же видов контактов персонажей, изображаемых в литературных произведениях драматического и эпического рода.

В начале XX в. к изучению данного феномена обратились лингвисты, в числе которых — Л. П. Якубинский (статья «О диалогической речи», 1923 г.), В. В. Виноградов (книга «О художественной прозе», 1930 г.), Г. О. Винокур (книга «Культура языка», М., 1929 г.). Все они воспринимали диалог в первую очередь как композиционную форму речи. Ближе всего к рассмотрению коммуникативных особенностей языка оказались размышления В. В. Виноградова о специфике речевой организации ораторских выступлений некоторых участников судебной практики досоветской эпохи (В. Маклаков, А. Урусов, В. Спасович, Ф. Плевако, С. Андреевский), а также о характере речи персонажей и авторов художественных произведений. Современный ученый и последователь Виноградова Ю. Н. Караулов, продолжая мыслить в том же направлении, уже в 1980-е годы ввел понятие «языковая личность», что нашло

отклик у ряда исследователей [9]; [10]; [13]. Но особо значимыми в данном контексте оказались работы современника названных ученых, мало известного в 1920-е годы, но активно мыслящего в данном направлении — М. М. Бахтина. Именно ему филологическая общественность всего мира обязана постановкой вопроса и серьезной разработкой теории диалога.

Интерес к проблеме диалогичности проявился у ученого в самом начале его научной деятельности, то есть в первой половине 1920-х гг. Наблюдения и обобщения тех лет отразились в устных суждениях Бахтина, оставшихся в памяти его коллег и друзей того времени, а более всего, — в монографии «Проблемы творчества Достоевского», писавшейся, по словам автора, в начале и середине 1920-х гг., сданной в печать в декабре 1928 г., вышедшей в свет летом 1929 г., когда Бахтин был уже под арестом.

Как известно, главное открытие, осуществленное Бахтиным в ходе рассмотрения творчества Достоевского и посвященных ему работ Л. Гроссмана В. Комаровича, Б. Энгельгардта, О. Кауса, было названо им полифонией, а роман Достоевского — полифоническим на основании того, что в нем присутствует многоголосие, то есть «сочетание неслиянных голосов». основополагающая мысль — о сущности **полифонии** — стала основным предметом обсуждения в критических работах 1920-х, а затем 1960-х гг. XX в., после того, как вышел переработанный вариант данной монографии, получившей название «Проблемы поэтики Достоевского» (1963 г.).

Идея полифонии и ее присутствие в романе Достоевского вызвали неоднозначную оценку как в 1920-е, так и в последующие годы. По словам С. Г. Бочарова, «основной тезис книги М. М. Бахтина, в его полноте и радикальной авторской теоретической постановке в итоге не принял никто из писавших о ней критиков, при этом оценивавших ее в высоких тонах» [6, с. 501]. Однако уже в монографии 1929 г. размышления о полифонии все время сопровождались суждениями о **диалогизме**: «роман Достоевского диалогичен» [2, с. 25], «сознание героя сплошь диалогизовано» [2, с. 156] и т.п. Это значит, что понятие диалога возникло уже в то время, а по существу и не могло не возникнуть, ибо полифония, как бы она не трактовалась, не существует вне контакта с диалогом. В ходе рассуждений о диалоге Бахтиным вводятся понятия «чужое слово», «двуголосие», «преломляющее слово», констатируется «диалогическая обращенность» слова, его «двунаправ-

ленность — на предмет речи и на другое слово, то есть на чужую речь». Бахтину представляется особо значимой взаимосвязь слова и диалога и их рассмотрение в одном контексте. Причиной данной постановки вопроса, очевидно, и явилась потребность откликнуться на работы лингвистов 1920-х гг., в первую очередь Л. П. Якубинского и В. В. Виноградова. Такая интерпретация, по мнению Бахтина, подразумевает «внелингвистическое понимание слова», которое именуется еще «металингвистическим».

Данный подход к пониманию слова нашел продолжение в работе «Слово в романе», написание которой относится к 1934–1935 гг., а затем в сочинениях 1950–1960-х гг., в первую очередь в статье «Проблема речевых жанров» [3]. В процессе разработки указанного подхода и анализа речевых жанров обосновывается понятие «высказывание», которое трактуется как «реальная единица речевого общения» [3, с. 167], в ходе чего возникают суждения о говорящем и слушающем субъектах, об их роли в восприятии речи. «Всякое слово существует для говорящего в трех аспектах: как нейтральное и никому не принадлежащее слово языка, как чужое слово других людей, полное отзвуков чужих высказываний, и, наконец, как мое слово, ибо я имею с ним дело в определенной ситуации, с определенным речевым намерением» [3, с. 192]. «Всякое понимание живой речи, живого высказывания носит активно-ответный характер; всякое понимание чревато ответом и в той или иной форме обязательно его порождает: слушающий становится говорящим и сам говорящий установлен именно на такое активно-ответное понимание: он ждет не пассивного понимания... но ответа, согласия, сочувствия, возражения, исполнения и т.д. Более того, всякий говорящий сам является в большей или меньшей степени отвечающим: ведь он не первый говорящий, впервые нарушивший вечное молчание вселенной. ...Каждое высказывание — это звено в очень сложно организованной цепи других высказываний» [3, 169, 170]. «Даже легчайшая аллюзия на чужое высказывание дает речи диалогический поворот» [3, с. 199]. Иными словами, «высказывание наполнено диалогическими обертонами...» [3, с. 197]. В данном контексте возникают понятия обращенность, адресованность, адресат. В аналогичном тоне звучат мысли в статье «Проблема текста», обдумывавшейся в те же годы, опубликованной в 1976 г. в журнале «Вопросы литературы» (№ 10). Здесь еще раз говорится о сущности высказывания, «о диалогических отно-

шениях, которые не могут быть сведены ни к чисто логическим, ни к чисто лингвистическим [3, с. 324]. Данные и многие другие суждения Бахтина вытекали из стремления указать на необходимость изучения коммуникативной функции языка и соединения усилий в этом плане лингвистов и литературоведов.

Наиболее полно и систематизированно теория диалога предстает в монографии «Проблемы поэтики Достоевского», изданной в 1963 г., вошедшей в 6-й том собрания сочинений М. М. Бахтина (2002 г.). В этой работе, как и в книге 1929 г., вновь взаимодействуют понятия полифония и диалог. По мнению С. Г. Бочарова, здесь «более тщательно разработан вопрос о диалогизме у Достоевского, появилось разграничение “внешне композиционно выраженного диалога”, “микродиалога” и “объемлющего их большого диалога романа в целом”» [5, с. 484].

Специфика диалога обосновывается прежде всего при анализе внутреннего мира героев: «Каждое переживание, каждая мысль героя внутренне диалогичны, полемически окрашены, полны противоборства», они сопровождаются оглядкой на другого человека. При обозначении внутреннего мира употребляются понятия «самосознание», «кругозор»; используется понятие «точка зрения — на мир и самого себя как смысловая и оценивающая позиция»; встречается термин мироощущение. При этом постоянно подчеркивается, что самосознание складывается и функционирует на фоне других сознаний, всегда присутствует «установка на другого». Этим подчеркивается, что герой все время ведет диалог с собой и с другими, в том числе с автором. Автор участвует в диалоге на равных правах с героем, он говорит не о герое, а с героем, не оставляя за собой смыслового избытка. Таким путем утверждается самостоятельность героя и проявление полифонического типа сознания как отражение «духовного многообразия эпохи».

Вслед за тем оценивается качество сознания, ради чего вновь используется понятие диалог, но к этому добавляется термин монолог. Этими понятиями ученый определяет позиции героев и человека вообще. При этом подчеркивается, что позиции могут быть разными: в том случае, когда в позиции героя присутствует ощущение внутренней свободы, нерешенности или незавершенности, открытость развитию, она трактуется как **диалогическая**; в тех случаях, когда герой без оглядки на других утверждает свои мысли, пытаясь навязать их другим, его точка зрения трактуется как **моно-**

логичная, что заслуживает критического отношения. В некоторых случаях герой признается носителем так называемого «проникновенного слова, то есть такого слова, которое способно уверенно вмешиваться во внутренний диалог другого человека, помогая ему узнать свой собственный голос». К такому типу слов, по-видимому, может быть отнесено «слово» князя Мышкина, главного героя романа «Идиот». Но и в этих случаях подобного типа слово не бывает решающим, завершенным, то есть монологичным. Во всех случаях оно пропитано диалогичностью. Таково убеждение М. М. Бахтина.

Поскольку за героем признается право быть носителем точки зрения, позиции, его слово воспринимается и оценивается не только как конкретное высказывание, но уже как мирозозерцание, умонастроение. Наличие у героя той или иной позиции и возводит его в ранг идеолога. Из сказанного следует, что диалогизм или диалогичность становятся признаком не только отдельного слова, реплики или даже высказывания, а свойством сознания героя как субъекта. В этом смысле диалогизм и противопоставляется монологизму, который, по мнению Бахтина, «в пределе отрицает вне себя другого и ответно-равноправного сознания, другого равноправного я (ты) Монолог завершен и глух к чужому ответу и не ждет его и не признает за ним решающей силы. Монолог обходится без другого. Монолог претендует быть последним словом» [1, с. 318].

К такому пониманию оппозиции «диалогизм–монологизм» подталкивала атмосфера, сложившаяся в Европе в 30–40-е гг. XX в., когда давали о себе знать разные формы тоталитаризма, требовавшие от человека выработки своей позиции и осознания себя и своего места в мире. Однако этот мотив, по-видимому, не был единственным. Привлечение внимания к сущности диалога и акцентирование его значения диктовалось знанием состояния общественной мысли на протяжении всех периодов развития человеческого общества («большого времени», по Бахтину), начиная с поздней Античности.

Исследование самой жизни, общественной мысли, в особенности философии и филологии в аспекте диалогизма было признано новаторским, а главное, весьма значимым и продуктивным. Об этом свидетельствует реакция зарубежных интеллектуалов XX в., в числе которых — Г. Яусс, М. Холквист, К. Кларк, Т. Иглтон, К. Хиршkop, К. Эмерсон, Г. Морсон, Поль де Ман, Сасаки Хироси и, конечно же, первооткрыватель работ Бахтина Ю. Кристева и ее коллеги — Ц. Тодоров, Р. Барт, Ж. Деррида. Систематизация и оценка имею-

щихся мыслей зарубежных ученых наиболее убедительно представлена в работах В. Л. Махлина. Что касается русских ученых, то библиография соответствующих работ насчитывает сотни книг и статей известных и молодых авторов. При этом диапазон мнений достаточно велик — от неприятия и осуждения до полного одобрения. В большинстве случаев, как уже было отмечено, критическое отношение, в первую очередь к идее полифонии, сопровождалось признанием эрудиции, глубины понимания материала, современного подхода, в том числе к роли и значению диалогизма. Итак, теория диалогизма стала формироваться в 20-е годы XX в.; у ее истоков стояли разные мыслители, но в ее становлении незаменимую роль сыграли идеи русского ученого М. М. Бахтина.

В итоге можно прийти к заключению, что ученые, работающие в самых разных областях знания: социологии, лингвистике, литературоведении весьма четко представляли необходимость рассмотрения разнообразных сфер умственной и практической деятельности в коммуникативном аспекте. В середине XX века их усилия как бы сомкнулись, а результаты исследований способны дать богатый материал для построения науки, которая получила название коммуникологии.

Литература

1. Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики / М. М. Бахтин.— М., 1975.
2. Бахтин, М. М. Проблемы творчества Достоевского / М. М. Бахтин.— Л., 1929.
3. Бахтин, М. М. Проблема речевых жанров : собр. соч. / М. М. Бахтин. — Т.5.— 1996.
4. Бахтин, М. М. Проблема текста : собр. соч. / М. М. Бахтин.— Т.5.— 1996.
5. Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского : собр. соч. / М. М. Бахтин.— Т.6.
5. Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского : собр. соч. / М. М. Бахтин.— Т.6.
7. Виноградов, В. В. / О художественной прозе.— В. В. Виноградов.— М., 1930.
8. Земская, Ю. Н. Теория текста : учеб. пособие под ред. А. А. Чувакина / Л. М. Земская, И. О. Качесова, Л. М. Комиссарова.— М. 2014.
9. Иванцова, Е. В. О термине «языковая личность»: истоки, проблемы, перспективы использования // Вестник Томского университета.— 2010.— № 4.

10. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов.— М., 1985.
11. Костомаров, В. Г. Наш язык в действии. Очерки современной стилистики / В. Г. Костомаров.— М., 2005.
12. Костомаров, В. Г. Рассуждение о формах текста в общении / В. Г. Костомаров.— М., 2014.
13. Котюрова, М. П. Языковая личность / М. П. Котюрова // Стилистический энциклопедический словарь русского языка.— М., 2003.
14. Шарков, Ф. И. Коммуникология. Энциклопедический словарь-справочник.— М., 2012.
15. Коммуникология. Основы теории коммуникации : учебник.— М., 2013.

А. С. Ярмош
Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский
государственный университет

Модели национальной самоидентичности в культуре и искусстве стран Скандинавии XVIII–XIX столетий

Интенсивные процессы культурной интеграции в международном сообществе, наблюдаемые в настоящее время, вызывают большой исследовательский интерес к художественной культуре отдельных регионов, в том числе Скандинавии. Учитывая исторические особенности развития Северных стран, перед современным исследователем возникает необходимость определить сложные нетипичные условия, в которых формируется художественная и историческая образность памятников культуры Дании и Швеции в XVIII и XIX вв., являющаяся базовой для постижения специфики современных процессов. Главную роль в понимании сущности этого явления играет осознание фундаментальной важности проблемы соотношения национального, народного и родного в культуре этих стран. Представляется необходимым обратиться к проблемам изучения национальной самоидентификации в памятниках художественной культуры, которые напрямую примыкают к актуальным исследованиям в области «этнической идентичности» и «этнического самосознания». Проблема национальной самоидентификации является ключевой в подходах и принципах в изучении скандинавской культуры и понимании подлинной сущности этого явления, однако, не единственной. Ак-